

НАТАЛЬЯ

Книга 1 30527 100

Наталья

Книга 1 30527 100

«Издательские решения»

Наталья

Книга 1 30527 100 / Наталья — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747708-0

Юная девушка, лет девятнадцати с небольшим, сидела в глубоком кресле натуральной кожи и пыталась одновременно делать сразу три дела. Во-первых, — стремилась убедительно изложить частному сыщику суть трагических событий.

ISBN 978-5-44-747708-0

© Наталья
© Издательские решения

Содержание

Нос Малыша	6
I. РАЗГОВОР В КВАДРАТНОЙ КОМНАТЕ	7
II. ЗЕЛЁНЫЙ ПОДЪЕЗД	11
III. НОЧНАЯ ЗАСАДА (НАЧАЛО)	15
МАЛЬЧИК – ЧАРЛИ – МАЛЫШ	16
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Книга 1 30527 100

Наталья

© Наталья, 2020

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Нос Малыша

I. РАЗГОВОР В КВАДРАТНОЙ КОМНАТЕ

– Это какой-то кошмар: старики умирают как по расписанию! – горячилась посетительница, – каждый июнь, июль и август! В прошлом году в июне умерла баба Таня из 23-ой квартиры, в июле – дедушка Коля из 21-ой, в августе баба Нюра из 25-ой. В этом году в июне – баба Тася из 27-ой. Вот-вот наступит очередь моей бабушки!

Юная девушка, лет девятнадцати с небольшим, сидела в глубоком кресле натуральной кожи и пыталась одновременно делать сразу три дела.

Во-первых, – стремилась убедительно изложить частному сыщику суть трагических событий.

Во-вторых, – следовало уделить внимание платиновому минипуделю, который запрыгнул на колени, лишь потенциальная клиентка опустила в кресло. Дальше девушке ничего не оставалось, как только почёсывать за ушами мохнатого наглеца. Мало того: пёсик так и норовил лизнуть в губы новую знакомую.

И, наконец, третье дело состояло в том, чтобы рассмотреть необычную комнату, в которой она оказалась по собственной воле.

Офис, а лучше сказать, – резиденция, частного сыщика Зуева.

В таком доме она была впервые. Если вообще настоящее строение можно назвать домом. Одно дело слышать, что есть столь необычные сооружения и совсем другое дело – находиться в таковом здании. Необычное начиналось уже с винтовой деревянной лестницы с первого этажа на второй. До сегодняшнего дня барышня видела такие лестницы только в кино про какие-нибудь средневековые замки, а тут – настоящая винтовая лестница, и девушка поднялась по ней несколько минут назад!

Офис сыщика был просто огромен. Такую большую комнату девушка видела тоже впервые: что-нибудь шесть на шесть метров.

А потолки!

Метра, наверное, три. Обалдеешь тут, когда у тебя дома, как говорит мама, два тридцать пять!

А сам дом!

Собственно, это был не настоящий дом, а вторэтажная надстройка на пяти обыкновенных гаражах советских времён. Получился вполне приличный особняк: большая комната-офис, из неё – выход в оранжерею и ещё какая-то дверь – очевидно в соседнюю комнату. Три окна фронтона, балконное окно и окно из теплицы наполняли кабинет солнечным светом.

С трёх сторон были полки, полки, полки. На них: книги, книги, книги, сотни книг. На глухой стене между полками висел телевизор, рядом – музыкальный центр с проигрывателем виниловых пластинок. Один из стеллажей занимали компакт-диски и сами виниловые пластинки.

Пол – сплошной ламинат. «Наверняка – утепленный», – решила девушка. Но больше всего ей понравилась чугунная печь-камин ближе к тепличной стене. От печи шли трубы водяного отопления к батареям у окон и дальше исчезали в соседней комнате.

Впритык к дому шло строительство второго этажа на двух гаражных боксах с соответствующими малой стройки звуками: жужжанием автономных дрелей и шуруповёртов. Рабочие выражения строителей добавляли сочных красок в картину.

Сам хозяин сидел в кресле с высокой спинкой за большим двухметровым столом. Стол был почти пуст: исключение составлял древний компьютер с монитором – электронно-лучевой трубкой. И системный блок, и монитор были редкого для компьютеров тёмно-зелёного цвета.

– И всё в одном подъезде! – продолжала девушка, – Четыре подъезда в доме, а старики умирают только в нашем, во втором!

Круглое лицо посетительницы от волнения порозовело, голубые живые глаза выражали беспокойство. Девушка то и дело поправляла длинные светлые волосы, собранные в хвост.

Средний рост, развитые формы говорили о внутренней физической силе. По фигуре было видно, что девушка уделяет внимания спорту.

«Наверняка, теннис и плавание» – определил сыщик.

Лёгкая белая футболка и синие джинсы не скрывали достоинства фигуры.

Хозяин с удовольствием рассматривал вероятную клиентку. Было в его взгляде и любопытство: где-то он уже видел эту девушку, но – где?

Девушка, между тем, энергично продолжала, иногда повторно излагая факты.

– Понимаете, в этом подъезде живёт моя бабушка. По отцовской линии. Я ей говорю: давай обменяем квартиру, а она – никак. Говорит, что из этой квартиры хоронили её мужа, ну то есть, моего дедушку, и было бы предательством по отношению к его памяти уезжать из квартиры, в которой они прожили больше тридцати лет.

– Светлана Анатольевна, а дедушка когда умер? В прошлом году или в этом? – Зуев делал короткие записи в блокноте. Обыкновенном бумажном блокноте.

– Да нет, что вы! Лет десять как прошло!

– Диагноз?

– Рак лёгких. Он курил много.

– А те пенсионеры, что умирают последние два года? У них какие диагнозы?

– У всех я не знаю, но у двоих – сердце. Зато знаю точно: все они умерли перед рассветом.

– Ничего необычного: пожилые люди в большинстве своём умирают ночью.

– Но не с такой же регулярностью!

– Да, странно. В полицию обращались?

– Конечно! И не раз! Участковый твердит одно: у всех естественная смерть, никаких признаков насилия или отравления. А что умирают, так это от старости.

– Участковый в каком возрасте?

– Старый! Лет, тридцать.

– Понятно, для него все кто старше пятидесяти – старики.

– Вот и я говорю: какие они старики! Одной бабушке и семидесяти пяти не было, дедушка с первого этажа, хороший такой старичок, только семьдесят лет отметил – и умер!.. Да, Игорь Владимирович! Я совсем забыла сказать. Вы не беспокойтесь, я заплачу гонорар. У меня деньги есть.

– Вот как? – без особого интереса и с малой долей иронии спросил Зуев, – из каких же средств студентка второго курса экономического факультета собирается оплачивать работу частного сыщика?

– Я торгую в интернете.

– Косметика?

– Почему «косметика»? Если девушка – то сразу «косметика»?

– Стереотип. – Зуев откинулся в кресле, – И что же представляет из себя Ваш сетевой бизнес?

Девушка распрямила плечи и спину, подняла голову и открыто посмотрела на сыщика.

– Каждую субботу и воскресенье я еду на блошинный рынок. Покупаю у старушек ёлочные игрушки и фарфор. В будни развешиваю объявления в разных посёлках с хрущёвками о покупке ёлочных игрушек и советского фарфора. Покупаю, как правило, оптом. Игрушки – так сразу всю коробку. Если надо – реставрирую вещи: крашу ёлочные игрушки, восстанавливаю отломанные уши и рога у всяких там оленей, жирафов и прочих зверюшек. Я закончила художественную школу. Потом выставляю в интернет-магазинах. Много рассылаю по России, в основном, – Москва. На прошлой неделе, на Дне города, я два дня торговала на ярмарке народных ремёсел, заработала пятьдесят тысяч. Найдёте убийцу – все Ваши.

– Так вот где я Вас видел! – воскликнул Зуев, – на ярмарке! Ну, конечно, на ярмарке. Надо же: миллион в городе населения и ко мне приходит девушка, которую неделю назад я отметил на городской ярмарке! Вижу, торговля настолько хороша, что Вы смогли купить очаровательный «пежо»? Исходя из его размеров, я бы даже сказал «пежончик».

– «Пежончик»? Здорово! Нет, на «пежончик» я ещё не заработала. Папа подарил. Машинка, правда, не новая, но надёжная.

– Хорошо, с деньгами разобрались, – подвёл итог сыщик, – убедили. Вернёмся к вашему кровожадному подъезду. Опишите дом в целом.

– Старая кирпичная «хрущёвка». Сдали в год пятидесятилетия советской власти. Дедушка с бабушкой и папа с тётёй заехали сразу после Нового Года. Дедушка работал главным инженером завода.

– Дом заводской?

– Что? – не поняла девушка незнакомого слова «заводской».

– Дом завод строил?

– Кажется, да.

– И что за завод? Что выпускал?

– Да что-то для космоса.

– Подвал в доме есть?

– Есть, конечно.

– Не точно выразился, – извинился сыщик, – в старых домах часто подвал делали во весь рост и разгораживали на ячейки: картошку хранить, морковку, соленья-варенья. На каждую квартиру – по ячейке.

– Есть такие подвальчики.

– А сам завод – далеко?

– Какой там! Окна бабушкиной квартиры прямо на заводской забор выходят!

– Завод, конечно, не работает?

– Давно всякие офисы. Мы когда с Севера приехали уже не работал.

– Что ж, очень может быть, что кто-то из ваших соседей, в советские времена, прихватил на предприятии нечто такое, что вредно сказывается на здоровье жителей, – предположил сыщик, – прошло время, это «нечто» стало разлагаться и травить людей. Санэпидстанцию не пробовали вызвать?

– А это что?

– Такая организация, в обязанности которой входит проверка территорий и помещений на всякую заразу.

– Нет, не вызывали.

– Не исключено, что придётся вызвать. Для ускорения дела стоит им заплатить.

– Сколько?

– Думаю, тысячи три.

– Это, пожалуйста. Говорю же – деньги есть.

– Есть что-то необычное в доме?

– Необычное?.. – задумалась будущая клиентка, – не знаю, необычное это или нет... в нашем подъезде есть хостел. Небольшой, всего на пять квартир.

– Хостел? И давно?

– С прошлого года.

Зуев задумался.

– Что ж, надо ехать на место. Поедем на Вашем «чехе», или мне заказать такси?

– Не поняла...

– У меня нет машины.

– Я не об этом: почему «чех»? «Пежо» – это же французская фирма.

– Светлана Анатольевна, ваш «сто седьмой» выпущен на заводе в Чехии, который в складчину построили «Пежо», «Ситроен» и «Тойота». Так что Ваш экипаж родился именно в Чехии.

– Да? Ну, надо же! А я и не знала... Поедем вместе. Вместе.

– Хорошо. Итак, я иду переодеться во что-нибудь неприметное, а Вы пока посмотрите мою библиотеку.

Зуев вышел в соседнюю комнату и прикрыл дверь.

Светлана подошла к полкам и стала внимательно их рассматривать. И вдруг увидела школьные учебники тридцатилетней давности.

– А зачем Вам школьные учебники? – громко удивилась она.

Зуев так же громко разъяснил из соседней комнаты.

– Это не простые учебники. Это те самые учебники, по которым я учился. Мама сохранила всё, что касалось моей учёбы в школе.

– Правда? Смотрите-ка: и литература, и физика, и химия, и география, и ботаника, и...

Девушка увидела нечто странное: на стойке полоч, на крючочке, весела верёвочная петля. Из обыкновенной бельевой верёвки. Небольшая петля – сантиметров девять-десять в диаметре. Когда-то петля была перерезана, но теперь зашита нитками. Конец петли был рваный.

– А это что за верёвочка? – Светлана пыталась говорить спокойным тоном.

– А! Петлю заметили! – весело ответил Зуев, – это, можно сказать, наша семейная реликвия. Потом как-нибудь расскажу. Ну, я готов!

Зуев вышел из комнаты.

Клиентка широко раскрыла глаза.

– И это называется «неприметное»?! Поло тыщи за две, фирменные джинсы, шлёпки на пробковой подошве! Вот это да! «Неприметное»!

– Будете ёрничать – расскажу про ваши зубы!

– Зубы? А что мои зубы?

– Ничего.

– Ничего-то Вы не знаете про мои зубы!

– У Вас начинается кариес на правой стороне.

– Что-о-о!? – девушка с ужасом распахнула сумочку, выхватила зеркальце и, не стесняясь мужчины, стала рассматривать рот.

– Да бросьте, – попробовал успокоить сыщик, – процесс ещё только начался, успеете к врачу.

– Я, действительно, не была у стоматолога с полгода, но почему Вы решили, что у меня кариес?

– Пёс всё время норовил вас полизать, – значит, кариес.

– Вот как?

– Точно.

– А я думала: это любовь с первого взгляда...

– Ничего подобного: собаки обожают всё подгнившее, вот он и лез к Вам, чтобы вылезать заболевшее место.

– Какой Вы!

– Ладно, не обижайтесь. Пойдёмте к Вашему «чеху».

II. ЗЕЛЁНЫЙ ПОДЪЕЗД

Пока хозяйка «Пежо 107» разворачивала двухдверную, жёлтого цвета, машинку, Зуев любовался на работу строителей. Шла отделка сайдингом второго этажа соседних двух гаражей. Основа стояла под панелями.

Хозяин стройки перекинулся парой производственных фраз с мастером бригады и сел на переднее сиденье «пежо».

Девушку с самого её появления у резиденции сыщика мучили догадки о соседнем строительстве, и как только она тронула машину, решила любопытство удовлетворить.

– А зачем Вы делаете пристройку? Жениться собираетесь? Вряд ли женщина согласится жить в гаражах.

– Жениться?! Да упаси Бог, Светлана Анатольевна. Я только в прошлом году развёлся! Ни о какой семейной жизни я и не помышляю. Во всяком случае, в ближайшие года три. Сыт по горло женской психикой, – раскрыл чувства сыщик, – только без обид.

– Так Вы были женаты! И дети есть? – спросила девушка, выводя машину на главную дорогу из гаражей.

– Дочь.

– И сколько ей?

– Пятнадцать.

– Пятнадцать! Замечательный возраст. Я в пятнадцать совершила свою первую крупную сделку. Продала в Москву бабушкиного Деда Мороза. Ну и влетело мне тогда! Бабушка меня чуть не убила! Но когда узнала, сколько денег я за старого Мороза получила, – ругаться перестала. Так зачем соседняя стройка? – не унималась юная клиентка.

– На продажу, – сыщик был краток.

Девушка вывела автомобильчик на окружную дорогу. Разговоры прекратились: машины шли по трассе одна за другой, бампер в бампер. Теперь было не до вопросов.

Примерно полчаса они пробирались через окраины и улицы миллионного города к крупному торговому центру, около которого и находились и бывший завод, и нужный дом.

Неподалёку от цели поездки Зуев попросил остановить машину и провёл инструктаж.

– Сделаем так. Пойдём по отдельности: как будто друг друга не знаем. Вы – к бабушке, я – в хостел: сделаю вид, что ищу ночлег для приятеля, который скоро придет в гости. Если случайно встретимся в подъезде – делайте вид, что мы не знакомы.

– Поняла, – согласилась девушка. – А потом?

– Потом позвоню.

Хрущёвка, когда-то тщательно одетая в «шубу» из песка и цемента, выглядела жалко. Во многих местах слой штукатурки отвалился. Обнажились плохо сделанные кирпичи. Собственно штукатурка и нужна была для того, чтобы скрыть кирпичный брак: далеко не все кирпичи были красными, то тут, то там проглядывала чернота перекалённой глины.

Судя по внешнему виду, последний раз цементную косметику обновляли лет тридцать назад, и с тех пор мастерок и правило до стен дома не добирались.

Зато зелени вокруг было предостаточно.

Между забором бывшего оборонного предприятия и фасадом заводского жилого дома росли клёны высотой в сам дом. Один из торцов здания тоже был закрыт клёнами. Задворки дома, выходящие на открытое с одной стороны к каре кирпичных гаражей, заросли клёнами.

Зуев прошёл через кленовые кущи, и направился ко второму подъезду.

Неподалёку от подъездных дверей, у стены, стояли два блюда. Четыре малых особи рода кошек старательно лакали молоко. Пятая особь, взрослая, сидела рядом. Стоило незнако-

тому человеку, в данном случае Зуеву, приблизиться к подъездной двери, – котята бросились, через квадратное отверстие в основании дома, в подвал. Кошка шипела на Зуева, пока котята не скрылись, и юркнула за ними.

Зуев постоял с минуту у подъезда, рассматривая кошачью столовую.

Затем перевёл взгляд на стену, где висела вывеска с весьма лаконичной крупной надписью «HOTEL» и совсем мелкими регистрационными данными. Настолько мелкими, что с первого раза и не разобрать. Сыщик двинулся было к двери, но вдруг почувствовал, что на него кто-то сверху смотрит.

Зуев поднял голову и увидел, как с балкона второго этажа идёт взгляд весьма пожилого мужчины. Между делом мужчина вывешивал на балконную ограду спальный мешок. «Турист» был небольшого роста, седой, с большим носом.

«Надо же, – подумал сыщик, – в городе ещё остались евреи...»

Сыщик отдал дань вежливости:

– Здравствуйте.

– Здравствуйте, – ответил старик и поднял ладонь левой руки.

Зуев протянул руку к массивной латунной дверной ручке, открыл дверь и вошёл в подъезд.

Моментально зажёгся свет, и сыщик прочитал табличку на двери квартиры, выходящей на лестницу: «Reception».

«Reception, – ухмыльнулся Зуев, – какая-то гостинишка – и «reception»!

Лишь только Зуев шагнул в подъезд, как на него пахнуло не то оранжереей, не то тропическим лесом.

Не заходя в «reception», сыщик пошёл на второй этаж.

Промежуточная площадка была занята растениями: и в цветочных горшках, и в ведёрках из-под краски, и в ёмкостях для растительного масла. Ведёрки из-под майонеза тоже присутствовали.

Растения располагались в два ряда: на подоконнике – ряд, и ряд – на полу.

Зуев поднялся выше. На площадке между вторым и третьим этажом была та же картина: плотно уставленные растения в горшках и пластиковых ведёрках в два ряда.

Две следующие площадки были повторением предыдущей пары: зелень, зелень, зелень.

Растения были разных видов. И всё – тропические.

С большими и малыми листьями, с почти круглыми и длинными. И только в одном растении были схожи: цветущих особей не наблюдалось.

Зуев спустился на первый этаж и открыл дверь «ресепшина».

И тут же попал под радостный взгляд молодой красивой девушки, которая и была той самой «ресепшионеткой».

– Здравствуйте, – от девицы как от чеширского Кота осталась одна улыбка, – чем могу помочь?

– Какой у вас интересный подъезд, – искренне удивился Зуев, – столько цветов! Первый раз вижу, чтобы в обыкновенном подъезде было столько зелени!

– О! Это всё наша хозяйка старается, – продолжала улыбаться девушка, – точнее говоря, – её мама. Она живёт тут же в подъезде, на четвёртом этаже, и следит, чтобы у нас было всё красиво.

Служительнице приюта явно хотелось поговорить. Днём все постояльцы разбредаются по своим делам: словом не с кем перекинуться.

– Так чем я могу Вам помочь? – девушка снова превратилась в улыбку чеширского Кота.

– Дело вот в чём. Ко мне приезжает старый приятель. Сослуживец по флоту, – Зуев знал: чем больше деталей, тем правдивее для девушек звучит ложь, – Он проездом. Буквально

на три-четыре дня. У меня остановиться негде. В гостинице – нет смысла: весь день мы будем летать по городу. Ему нужен только ночлег. Так что ваше общежитие ему может и подойти.

– «Общежитие»? – почти возмутилась девушка, – Какое общежитие?

– «Hostel» в переводе с английского означает «общежитие», – обратился к своему любимому делу, просвещать молодёжь, Зуев.

– А-а-а, – протянула девушка, – ну пойдёмте, я покажу наше «общежитие».

Это был хостел как хостел. Занимал весь первый этаж, квартиру на втором и квартиру на третьем. Три квартиры на первом этаже: однокомнатная, двухкомнатная и трёхкомнатная. Однокомнатная, та на кухне которой располагался «ресепшн», была переделана под номер-люкс: двуспальная кровать, две тумбочки с настольными лампами, комод, пара небольших кресел, столик, телевизор на стене. Был даже бар-холодильник.

Двухкомнатная квартира уставлена стандартно аскетически: двухъярусные кровати и тумбочки.

Вторая комната, та что поменьше, вызвала у Зуева особый интерес. Если в главной комнате высота кроватей не превышала метра восьмидесяти, то здесь стойки кроватей упирались прямо в потолок. Мало того: они были привинчены к потолку. У нижних кроватей – спинки как у диванов. Зуев заинтересовался необычной конструкцией.

– О! – улыбнулась «чеширская Котиха», – это кровати для тех, кому нужно переночевать только ночь. Здесь очень дешёвые места: всего триста за восемь часов. Видите, вот эти спинки откидываются, и кровать становится трёхъярусной. Тесновато, конечно, зато экономно.

Зуев поблагодарил служительницу быта за экскурсию и вышел во двор. Он собирался позвонить клиентке, но тут увидел на приподъездной скамейке того самого носатого «туриста».

– Здравствуйте, ещё раз, – сыщик присел на скамейку.

– Здравствуй, здравствуй, дорогой, – дед внимательно и с любопытством смотрел на Зуева, – ночевать устраиваться пришли?

– Да, нет, приятеля хочу на пару-тройку дней пристроить. Флотский друг приезжает, – продолжил развивать легенду сыщик, – ищу место получше и поспокойнее.

– Ну спокойствия тут ты не найдёшь, – каждый день всё новый и новый народ – вокзал то рядом...

– Вижу, не нравится Вам, что хостел в подъезде.

– А кому понравится? – старик подхватил тему, – вечером туда-сюда, туда-сюда! Цветов этих понаставили – пройти невозможно. Кому нужны эти цветы-фикусы? Как в лесу живём.

– Ну, Вам, как заядлому туристу, лес то должен быть по сердцу...

– А почему ты решил, что я турист?

– Как же – спальный мешок повесили сушить – значит, недавно на природу выезжали. Думаю, на рыбалку?

– Смотри – какой наблюдательный! – дед развернулся к Зуеву лицом, – рыбалку я точно, люблю. Только мешок мне совсем для другого.

– Это для чего же? – Зуева начал забавлять старичок.

– Да сплю я на балконе! – в голосе деда появилась гордость, – всё лето, с самого мая по сентябрь сплю на балконе.

– Вот как! – искренне удивился Зуев, – Интересно, интересно. И почему?

– Жарко в доме, – сокрушался дед, – не могу заснуть в духоте. Так что всё лето – я на балконе по ночам. Повесил брезент вместо тента – и сплю в своё удовольствие.

– Очень интересно, – решил закончить беседу Зуев, – Что ж, до свиданья! Здоровья Вам.

Зуев протянул старику руку, тот пожал и они расстались.

Сыщик зашёл за угол дома. Позвонил клиентке.

– Встречаемся сейчас в кафе торгового центра, – распорядился Зуев и уточнил, – там, где подают кофе и булочки с корицей.

В кафе заговорщики сели за круглый столик на двоих и сделали заказ.

Зуев начал с вопроса.

– Светлана Анатольевна, Вы можете сделать так, чтобы Ваша бабушка в одну из ближайших ночей переночевала не у себя дома?

– Запросто. Сегодня – четверг? Четверг. По пятницам она уезжает на выходные к своей подруге на дачу. Так что две ночи её гарантированно не будет.

– Отлично! В следующую ночь устроим в вашей квартире засаду.

– Засаду? Ой, как интересно! А пистолет у Вас есть?

– Пистолеты и револьверы, а также прочие «пушки» нам ни к чему. Нам потребуется видеокамера, способная снимать в темноте. Найдётся такая?

– О! Это – пожалуйста, это сколько угодно. У меня в телефоне – отличная видеокамера. Большой фильм снимать будем?

– Гигабайта на три-четыре, может быть – пять.

– Пойдёт.

Принесли кофе с булочками. Девушка решила, что настала её очередь задавать вопросы.

– Игорь Владимирович, Вы уже всё знаете, да? Вы уже догадались? Санэпидстанцию будем вызывать?

– Санэпидстанцию вызывать не будем. У вас в подвале кошки живут. Мало того – активно размножаются...

– А, это Вы про тех милых котят?

– Именно. Кошки где попало жить не станут. Но опасность в вашем подъезде всё-таки есть. И опасность немалая. Сегодня обязательно переночуйте у бабушки. Будьте на чеку: если бабушке станет плохо – немедленно вызывайте скорую. В пятницу вечером ждите меня. Приду часов в одиннадцать. Принесу точнейший прибор.

– Прибор? А что за прибор?

– Узнаете в своё время, – Зуев увидел, что с уст девушки сорвётся ещё не один вопрос и категорично сказал, – На этом обсуждение закончим. Детали в рабочем порядке. Ешьте булочки!

III. НОЧНАЯ ЗАСАДА (НАЧАЛО)

Зуев появился у дверей бабушкиной квартиры в пятницу ближе к одиннадцати вечера. И не один. С большой дорожной сумкой на роликах.

– О! – воскликнула Светлана, открыв дверь и увидев сыщика с багажом, – да Вы что-то привезли!

– Не что-то, а кого-то! Это будет наш самый главный и достоверный прибор! Именно с его помощью мы и определим преступника!

Сыщик открыл сумку.

Из баула выкатился Малыш и бросился целоваться с девушкой.

Та была рада до невероятности.

– Малыш! Вот это сюрприз! – девушка подхватила пёсика на руки и стала тереться носом о его нос, – Малыш! Малыш! Как же я рада тебя видеть! Пойдём на кухню! Я тебя курочкой угощу!

И тут же обратилась к Зуеву.

– А Вы есть хотите?

– Кофе. Только кофе. Нам предстоит ночь без сна.

Они насладились чёрным напитком, и пошли устраивать засаду.

Для тайного места был выбран кабинет бывшего хозяина квартиры. Комната с балконом.

Зуев плотно закрыл балконную дверь и фрамугу. Выключили свет. Расположились на диване.

Вместо меча между мужчиной и девушкой лежал Малыш.

В молчании наступила полночь.

Вдруг девушка заговоршецки прошептала:

– А я поняла, почему Вы Малыша назвали «Малышом»...

– Всё просто, прошептал сыщик, – маленький вот и «Малыш»...

– А вот и нет. И совсем не поэтому...

– И почему же?

– Потому что у Вас нет сына, и Вы любите мультфильм «Малыш и Карлсон»..

– Вот как! Ну-ка, ну-ка, расшифруйте.

– Вы хотели сына, а родилась дочь. И когда Малыш попал к Вам, Вы его назвали «Малышом», как того мальчика из мультика. И у Вас получился сын.

– Н-да... Занятная трактовка... – раскинул умом вслух мужчина.

МАЛЬЧИК – ЧАРЛИ – МАЛЫШ

Матери Малыша было два года, когда Малыш, а вместе с ним сестричка и брат появились на свет.

Породистый, клубный, платиновый минипудель. Впрочем, судя по тому, что в шерсти Малыша были пятна коричневых оттенков, его прабабка имела романтические отношения с персиковым пуделем.

Отец Малыша, как и положено, был старше матери, ему было уже четыре года, когда их познакомил. У папаши были даже медали с выставок.

Хозяева пуделихи устроили ей что-то вроде домика, но собака решила рожать под кроватью: затащила туда подстилку, стянула пару полотенец и устроила себе логово.

Малыш был первым щенком у матери.

Первым во всех смыслах: и первый в помёте, и первый вообще.

Природа заботится о своих детях: она разрешила молодой собаке в первый раз родить, чтобы не напрягаться, только троих. Потом – пожалуйста, можно и шестерых на свет произвести и выкормить, а поначалу и тройни достаточно.

Все первые четырнадцать дней жизни Малыш только ел и спал, спал и ел. Да ещё грелся у тёплого живота матери. А что ему ещё оставалось делать? Глаза то были закрыты. Зато когда они открылись, вот тут-то он и дал волю своим набирающим силу мускулам: перемещался в округе двух метров от мамы.

На тот же четырнадцатый день оказалось, что их у матери осталось двое: братик, который вышел последним, куда-то исчез.

Это обстоятельство не особенно волновало Малыша. Впрочем, нет, волновало: молока то стало доставаться больше.

Да и хозяйка внимательно следила за здоровьем новорожденных: кормили пять-шесть раз в день.

Молоко – обязательно.

В блюдечко.

А ещё – что-то белое и густое, чуть кисловатое.

«Творожок со сметанкой».

Так называлась еда.

Очень вкусно.

И ещё очень вкусное. Похоже на творог. Но только тёмное.

В начале это «вкусное» приносили откуда-то куском, потом куда-то засовывали на кухонном столе, потом что-то шумело.

Очень интересно было сидеть, вместе с сестричкой, задрать голову, и ловить запахи, которые неслись с кухонного стола. Щенок любил сидеть на сидалищных буграх, широко раскинув задние лапы и вытянув хвостик.

Потом этот тёмный творог выставляли в мисках для щенков: к тому времени у каждого щенка была своя миска. Маленькая, но своя.

Малыш съедал свою долю быстрее сестры и тут же норовил забраться в сестричкину плошку: что она так долго возится!

Отталкивал сестру, но той на помощь приходили хозяйка: брала двумя пальцами наглеца за шкуру и относила от чужой еды.

Но щенок не унимался: снова рвался к еде. Его снова относили, и так было до тех пор, пока миска сестры не опустошалась.

Тогда Малыш засыпал спокойным сытым сном.

До следующей еды.

Впрочем, что это мы всё «Малыш» да «Малыш».

Ведь в то время он и не был «Малышом».

Его звали просто: «Мальчик».

Вот так – Мальчик и – всё...

Будущий Малыш очень обижался: какой он мальчик? Он – пёс! Пёс – и всё тут. Никаких «мальчиков».

Хорошо, не пёс, пёсик.

Но не мальчик же!

Когда брату с сестрой исполнилось два месяца, их посадили в сумку и куда-то понесли.

Это был первый настоящий выход в свет.

Пёсик то и дело норовил высунуться из сумки и посмотреть что это там такое вокруг.

Скоро они оказались в каком-то странном месте.

С тревожными запахами.

Щенка взяли какие-то мягкие, но чужие и холодные руки и уложили на твёрдый холодный стол.

Потом та же рука погладила правое бедро и сделала так больно, как ещё никогда щенку больно не было: острая боль поразила лапу пёсика.

Но рука жестоко просчиталась!

Такие дела наказываются.

Жестоко наказываются.

И немедленно!

Щенок вмиг согнулся в кольцо и цапнул руку, приносящую боль, так сильно, как только мог.

Цапнул острыми, словно иглы, молочными клыками.

Да и резцами зацепил!

Руки только тут поняли, что зря не завязали мордашку щенку.

Они исправили свою ошибку и снова сделали пёсику больно.

Тот терпел. Скулил, но терпел.

Теперь он ни за что не пойдёт к этим злющим рукам!

Впрочем, через неделю появились опять новые руки.

Как только Мальчик почувствовал новых незнакомцев, он зарычал, грозно, как только мог, обнажил зубки и приготовился к обороне.

Но новые руки были мягкими и тёплыми и только гладили и не делали больно. Даже накормили вкусными кусочками из какого-то пакетика. А потом тоже посадили в сумку и куда-то повезли. Теперь уже без сестры и без матери.

Маленький пудель понял: больше он не увидит ни мамы, ни сестрички.

Никогда.

На новом месте было не хуже, чем дома.

Правда, скучновато: не с кем играть.

Разве что мягкие мячики и твёрдые шарики.

Но они быстро надоедали.

Зато новая хозяйка не жалела времени на пёсика.

Она садила щенка на колени, гладила и всё говорила: «Чарли, Чарли, Чарли...»

Так будущий «Малыш» понял: его новое имя «Чарли».

Ну, что ж... «Чарли» – так «Чарли». «Чарли» всё-таки лучше, чем просто «Мальчик».

Хозяйка и Чарли много гуляли во дворе дома. Пока Чарли бегал за голубями и пытался гонять кошек, хозяйка сидела на скамейке вместе с такими же тётками и говорила, говорила, говорила.

И то и дело кричала: «Чарли! Далеко не уходи!.. Чарли! Куда!.. Чарли! Нельзя!»

Последняя фраза кричалась особенно часто.

В конце концов, хозяйка стала выводить Чарли на поводке. Чарли это страшно не нравилось. Стоило хозяйке начать надевать на шею Чарли ошейник, как он яростно сопротивлялся, широко раскрывал пасть и ожесточённо грыз ошейник маленькими и острыми зубами.

Однажды во дворе появился другой щенок. И, хотя имя у него было похожее – «Чаппи», но он был совсем другой породы. И пострижен смешно: весь голый, только на мордочке, лапах и хвосте оставлена шерсть. И, главное, он всё время ходил с бантиком на голове. Странно: пёс и с бантиком. Как девчонка!

Так проходили дни за днями короткого российского лета: еда (нисколько не хуже, чем на первом месте, а, порою, и лучше: свежая рыбка, сырое мясо кусочками – объедение), прогулка, сон, снова еда, снова прогулка и снова сон.

Особенно Чарли нравилось ночью. Как только хозяйка ложилась в постель, он тут же запрыгивал на кровать (Чарли очень ловко прыгал), забирался под одеяло и вытягивался, прижимаясь голым животом, вдоль спины хозяйки.

Было очень тепло, уютно и безопасно.

Из еды больше всего Чарли любил кашу на косточках. «На косточках» – это только так называлось. На самом деле там было много мяса. Хозяйка прятала косточки на самом дне миски, под кашей, но Чарли был не глупым псом: он, перво-наперво, доставал косточки со дна, клал их рядом с миской, съедал кашу и только потом приступал к самым лакомым кусочкам.

Как-то хозяйка попыталась положить косточку снова в миску, но тут же пожалела.

Зубки у Чарли были, конечно, уже не молочные, не такие острые, но он так укусил хозяйку за палец, что та закричала.

Будешь знать!

Подумаешь – линолеум испачкал!

Эка важность!

Положила косточку псу – забудь про неё. Это теперь косточка Чарли и только Чарли.

Однажды, из-за этой самой каши, хозяйка и Чарли чуть ни погибли.

Дело было так.

Чарли только-только исполнилось полгода.

Хозяйка поставила отваривать косточки для Чарли, а сама прилегла отдохнуть. Она и раньше много раз делала так, а тут – заснула.

Чарли лежал тут же на диване, в ногах хозяйки. Чарли не спал – он знал, что сон хозяйки надо охранять. Чарли с наслаждением слушал запахи, которые доносились из кухни. Вдруг на кухне что-то сильно зашипело.

Чарли подумал, что кто-то чужой проник на кухню. Смелый пёсик спрыгнул с дивана и осторожно стал пробираться туда, где покушались на его еду.

И тут он почувал какой то новый, странный запах. Такого запаха он никогда ещё не слышал. Чарли поднял голову, задрал нос и стал шевелить ноздрями: так лучше чувствовался дух.

Чарли сильно чихнул.

Раз, другой, третий.

Пёсик понял – противный запах несётся из кухни. Чарли бросился на кухню: там воняло по всему полу. Очень плохой запах. Запах, в котором была явная опасность. И даже больше – это был запах смерти.

Чарли отчаянно залаял, бросился в комнату, запрыгнул на диван и стал ещё громче лаять.

Хозяйка не просыпалась.
Тогда Чарли стал тянуть её за одежду, снова лаять.
Хозяйка не просыпалась.
Пёсик в отчаянье укусил хозяйку за руку.
И укусил сильно.
Хозяйка не открывала глаз.
Пёс снова укусил хозяйку.

Та, наконец, проснулась, и, несмотря на то, что у неё болела голова, всё сразу поняла, бросилась на кухню, закрыла газовый кран, распахнула окно, схватила Чарли на руки и выбежала в подъезд.

А когда на выходные приехали хозяйкины дочь и сын с детьми, в доме был настоящий праздник: все гладили Чарли, кормили его самыми вкусными кусочками мяса, да так закормили, что Чарли спрятался от такого внимания под любимый диван. И сидел там, пока гости ни ушли.

Чарли был скромным псом-героем.

Дни проходили за днями. Жизнь шла своим чередом.
Однажды утром они с хозяйкой вышли во двор.
Двор был совсем не тот, что вчера.
Весь двор был белый!
И холодный...

Но такой интересный!

«Снег, – это снег, Чарли! – объяснила хозяйка, – настоящий снег...»

Чарли так понравилось барахтаться и кувыркаться в снегу, что это стало его любимым занятием. Ляжешь на спину – и ну кувыркаться да тереться. Хорошо! Потом отряхнёшься, снег летит в разные стороны, хозяйка кричит: «Чарли! Чарли! Прекрати!» А куда там «прекрати» – так весело!

В доме появилось большое колючее дерево, на котором светились лампочки. Снова приходили дети, снова играли с Чарли. Чарли играл с детьми.

А потом наступили странные времена.

Хозяйка всё меньше и меньше гуляла с Чарли.

Выйдут во двор, зайдут за дом, и как только пёсик сделает все необходимые дела – возвращаются.

Хозяйка ложится на диван и так лежит весь день.

А потом с Чарли стали гулять дочь и сын хозяйки, по очереди.

Хозяйка так и лежала.

Но уже не на диване, а в кровати.

Чарли забирался к хозяйке на кровать, лизал ей руки, губы, лицо. Под глазами хозяйки было солёно.

Хозяйка гладила Чарли, но так и не вставала.

Потом наступил совсем странный день.

В дом принесли длинный тёмный ящик, положили в него хозяйку, а ящик поставили на стол в большой комнате. Рядом с любимым Чарли диваном.

Чарли бегал вокруг ящика, скулил, но хозяйка не отзывалась.

Чарли бегал вокруг и отчаянно лаял: «Пойдём гулять! Посмотри, как ярко светит солнце! На улице такие звонкие сосульки! Пойдём же! Пойдём!»

Хозяйка не вставала.

Несколько раз Чарли пытался запрыгнуть в ящик с дивана, но ему не давали. Потом пёсика заперли в спальне, а когда выпустили, длинного ящика уже не было.

Пёс ходил по квартире. Скулил. Переставал скулить. Прислушивался: вдруг раздадутся шаги хозяйки. Ничего. Снова скулил.

Потом пришли какие-то люди и вынесли всё что было из квартиры.

Даже любимый Чарли диван.

Хотели забрать и Чарли, но он не давался в руки, отчаянно верещал и кусался. Его кое-как выставили в подъезд и заперли дверь квартиры, где он так счастливо жил.

Никто не приходил за Чарли, никто не брал к себе домой. Только дети, которые жили в подъезде, наливали молоко в блюдечко и давали кусочки пирожков или колбасы, а то и котлету. Так он и жил в подъезде.

У батареи, у входа.

Ему положили старый коврик.

Когда надо было, Чарли терпеливо сидел у дверей и ждал, когда кто-нибудь откроет. Выбегал из подъезда и тут же быстро возвращался: он боялся, что хозяйка придёт, а его не окажется на месте.

Однажды вечером ему положили много-много мелких костей.

Кости, видно, пролежали не один день, от них неприятно пахло, но Чарли очень хотел есть и накинудся на кости.

Посреди ночи ему стало плохо.

Очень нужно было выбежать на улицу.

Но дверь подъезда была закрыта.

Чарли терпел сколько мог.

И только под самое утро присел у дверей и освободился.

Чарли знал, что так делать нельзя, что это плохо. Очень плохо.

Чарли спрятался под батарею и со страхом ждал что будет.

Лишь только люди стали выходить из подъезда, чьи-то грубые руки выкинули пёсика на улицу: Чарли пролетел несколько метров и шлёпнулся на асфальт. Чарли понял, что ему теперь не дадут жить в подъезде. Пёсик устроился в детском домике во дворе, но пробыл там не долго. В один из дней его шею обвязали куском бельевой верёвки и куда-то повезли.

Место, куда его привезли было странным местом. Таких мест Чарли ещё не видел: много, очень много людей и много собак и кошек. Собаки были самые разные: и большие, и маленькие, и взрослые, и щенки. Щенков и котят было больше всех.

Чарли привязали к дереву и оставили.

Мимо проходили люди. Много людей. Чарли то и дело провожал их взглядом: он ждал, что кто-нибудь заберёт брошенного пса.

Но никто не обращал на пуделька внимания: кому нужен пёс, полгода проживший в подъезде и на улице. Чарли был не стрижен, шерсть свалялась, вокруг глаз – засохшие выделения, похожие на гной.

Чарли просидел на верёвке много часов. Людей постепенно становилось всё меньше, унесли и увели собак и кошек. Редкий, редкий человек проходил мимо, поглядывал на привязанного пёсика и шёл дальше.

Смеркалось.

Чарли ничего не оставалось делать, как перегрызть верёвку.

Что он и сделал.

Освободиться то он освободился, но вставал другой вопрос: где ночевать?

Да и надо было что-то поесть.

Чарли бегал между деревьев, принюхивался и, наконец, почувал запах съестного.

Где-то неподалёку была еда.

Чарли потянул носом и тут увидел много-много каких-то одноэтажных домов без окон. Около некоторых домов стояли машины. Неподалёку была загородка, от которой и пахло едой. Чарли бросился туда и нашёл кусок хлеба с сыром и колбасой, но как только он схватил желанный кусок, откуда-то выскочил большой худой пёс, налетел на Чарли и с рычанием отобрал еду.

Чарли со всех лап бросился из опасного места.

Пёсик отчаянно пробежал много-много кирпичных домиков и тут оказался около таких же домиков, только железных. Между ними росли деревья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.